
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

А. Д. СУХОВ

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ТВОРЧЕСТВА П. А. КРОПОТКИНА (К 85-летию со дня смерти)

По разносторонности научных интересов Петра Алексеевича Кропоткина вполне можно сравнить с М. В. Ломоносовым – универсальным русским гением.

Кропоткин – ученый-путешественник, объехавший, обошедший и изучивший обширные пространства Сибири, Дальнего Востока, Манчжурии, Финляндии, Швеции, Канады. Его именем названы географические объекты на территории нашей страны и за ее пределами. Л. С. Берг¹ имел все основания причислять его к великим географам. К географическим исследованиям Кропоткина примыкает цикл его работ по геологии. Он разрабатывал теорию материкового оледенения. Кропоткин считается основателем новой отрасли научного знания – палеогеографии четвертичного периода.

Путешествуя, он интересовался не только неживой природой, но и органическим миром. Одна из биологических проблем, основательно продуманная Кропоткиным, – соотношение борьбы и взаимопомощи в живой природе. Он убедительно показал, что эти явления не исключают, а дополняют друг друга, что «взаимная помощь – настолько же закон природы, как и взаимная борьба»².

Кропоткин проявил себя и в отраслях гуманитарного знания. Труд, сделавший его всемирно известным историком, это «Великая французская революция». Кропоткин – историк русской литературы. Ей посвящена книга, вышедшая в свет под названием «Идеалы и действительность в русской литературе».

¹ Берг, Л. С. Избр. труды. – Т. I. – М., 1956. – С. 273.

² Кропоткин, П. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. – Пб.; М., 1922. – С. 41.

Философия – компонент богатой духовной биографии Кропоткина. В ней находили отражение и его научный поиск, и его размышления о различных проблемах бытия.

Первое знакомство Кропоткина с некоторыми философскими произведениями происходит уже в гимназические годы. Это сочинения И. В. Гете, Ф. Шиллера, М. Ф. Вольтера. Но совершенно естественно, что обращение к философии являлось пока еще эпизодическим. Будучи в Пажеском корпусе, а затем в Сибири, куда он отправился, пренебрегши соблазнами придворной карьеры, Кропоткин изучает философию систематически.

Начальный период философской деятельности Кропоткина включает в себя ознакомление с рядом имевшихся к тому времени философских систем, экскурсии в историю философии; им были выработаны и приняты некоторые философские принципы и установки (материалистическое восприятие природы, атеизм и т. п.), которые, как аксиомы, направляли и ориентировали его дальнейшее философское развитие. Следующий этап его идейной эволюции – оформление собственных философских воззрений. В этом плане представляют интерес, прежде всего, два философских пласта, которые он осваивал, придавая им новый облик. Первый из них – философия анархизма. Усвоенные Кропоткиным и развитые им анархистские воззрения сказывались на системе его философских построений. «...Я мало-помалу, – пишет он, – пришел к заключению, что анархизм – нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества...»³

Его стремление соединить воедино и осмыслить различные научные дисциплины как проявления и отражения различных сторон некоей целостности, природы и общества, имело следствием, что он, помимо анархистского, разрабатывал еще один идейный пласт, относящийся к синтетической философии. Единение наук, их синтез не могли оставить равнодушным Кропоткина – хотя бы из-за многообразия его научных интересов. По его мнению, философия должна представлять собой систематизированную, объединенную сводку всего имеющегося знания. Наиболее удачно решали эту задачу О. Конт и Г. Спенсер. Но в «социологической части» ее они допустили «крупные ошибки»; они обусловлены были воспри-

³ Кропоткин, П. А. Записки революционера. – М., 1990. – С. 382.

ятием буржуазных идеалов. Стремясь избавиться синтетическую философию от тех недостатков, которые были ей свойственны, Кропоткин хотел соединить ее с анархизмом.

Прослеживая восприятие Кропоткиным различных мировоззренческих данных, нельзя не сказать о его упущениях, что также отразилось на общей системе его воззрений. Кропоткин так и остался при поверхностном знании марксизма. Несмотря на то, что в процессе обретения Кропоткиным некоторых компонентов его мировоззрения – социальных, политических – роль русской революционной демократии была существенной, в философии он не стал ни учеником, ни последователем этого направления.

Кропоткин отвергал диалектический метод – главное достояние классической немецкой философии, а в материалистически переосмысленном виде – марксизма и русской философии XIX в. «Мы совершенно не признаем этого метода...»⁴, – категорически заявлял он. Отрицание диалектического метода сказалось и на характере его воззрений, которые не стали целостно-материалистическими.

Отказавшись от диалектического метода, Кропоткин пользовался традиционно принятым – индуктивным. Этот метод был выдвинут и обоснован в 1620 г. в бэконовском «Новом Органоне» и противопоставлен господствовавшему тогда в схоластике дедуктивному. Позже, уже после Ф. Бэкона, выяснилось, что познавательная функция дедукции является все же гораздо более значительной, чем предполагал он. Поэтому и Кропоткин, обычно обозначавший свой метод как индуктивный, иногда, учитывая это обстоятельство, называет его индуктивно-дедуктивным. Диалектический же метод он считал проявлением средневековой схоластики, отвергнутой Бэконом и якобы «возрожденной Гегелем».

Конечно, ни один большой мыслитель в своих конкретных философских исследованиях не может, даже если он и желает это, вообще обойтись без диалектики. Но Кропоткин там, где ему довелось проявить себя в этом качестве, всего лишь стихийный диалектик. Недиалектичность же его, метафизичность, временами явно дает о себе знать.

Совершенно в этом духе шли попытки Кропоткина отождествить различные формы движения материи, свести высшие ее проявления к низшим. Общество, по его мнению, – не современник че-

⁴ Кропоткин, П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С. 282.

ловека и не его создание. Оно появилось «задолго» до него, раньше, чем возникли первые «человекоподобные существа»; оно существовало уже «среди животных». Общество – часть природы; изучаться оно должно на естественнонаучной основе. В его трактовке, обществоведение – не что иное как «один из отделов естественных наук»⁵.

Без внимания было оставлено Кропоткиным диалектическое учение о противоположностях, о том, что объекты и явления действительности из одного состояния могут переходить в другое, качественно отличное от него, противоположное. Недиаlecticность Кропоткина отразилась в данном случае и на его рассуждениях о государстве. Для Кропоткина социальная значимость его неизменна, постоянна. Государство он определял как «вредную» надстройку; таковым оно является всегда, и никаких исключений история не знает. Кропоткин игнорировал позитивную роль государства, переживавшего становление, в развитии цивилизации, разноплановые влияния, оказываемые им на ход истории, – в зависимости от того, в руках каких социальных групп оно находится.

Таким образом, методология Кропоткина имела известные издержки. Она, однако, не была бесплодной. Об этом свидетельствуют его собственные достижения в различных научных областях. Кропоткин подчеркивал, что не только он лично, но и вся наука многим обязана избранному им методу. Можно считать, однако, что данный метод ограничен в своих возможностях.

Одна из «объяснительных заметок», приложенных к книге Кропоткина «Современная наука и анархия», специально посвящена этому методу. Она имеет название – «Индукция, индуктивно-дедуктивный метод». В бэконовских традициях (и развивая их) Кропоткин выделяет в познании роль фактов, обобщений, индукции и дедукции, гипотез, наблюдений.

Не следует думать, что там, где ощутима метафизичность Кропоткина, избранный им метод ни в чем не проявил себя. Даже наука о государстве, предъявляя Кропоткину справедливые претензии, не может оставить без внимания некоторые высказанные им соображения.

Он следующим образом раскрыл социальную природу известных историй государств: «...государство – нечто гораздо большее, чем организация администрации в целях водворения “гармонии” в

⁵ Кропоткин, П. А. Указ. соч. – С. 361.

обществе, как это говорят в университетах. Это – организация, выработанная и усовершенствованная медленным путем... чтобы поддерживать права, приобретенные известными классами, и пользоваться трудом рабочих масс; чтобы расширить эти права и создать новые, которые ведут к новому закреплению обездоленных законодательством граждан по отношению к группе лиц, осыпанных милостями правительственной иерархии. Такова истинная сущность государства»⁶.

Методология Кропоткина отразилась и на системе его взглядов. Было бы неправильно, конечно, считать, что он не учитывал материальные (в том числе – экономические) факторы в социальном процессе, но наряду с ними, по его мнению, имеются и другие, сопоставимые, находящиеся с ними в одном ряду. «Общество, в настоящем его виде, – пишет Кропоткин, – конечно, не является результатом какого-нибудь основного начала... Общество представляет собой, наоборот, очень сложный результат тысячи столкновений и тысячи соглашений, вольных и невольных...»⁷

Произведения Кропоткина не всегда отмечены идейной последовательностью. Литературное пространство их может быть мировоззренчески неоднородным, противоречивым, и отдельные части его воспринимаются по-разному.

Наиболее обстоятельно Кропоткиным были разработаны социальная проблематика философии и те подразделения философского знания, которые соприкасались с социологией. Причина тому – многолетнее изучение и осмысление им опыта Французской революции XVIII в., поиск выхода из той социальной ситуации, которая была современна ему. К тому же философия естествознания, как считал Кропоткин, достаточно хорошо была изложена и до него – в синтетической философии.

Можно сказать, что свою философию истории Кропоткин посвятил народу, который для него – главный субъект социального процесса. У историка прошлых времен, говорил Кропоткин, весь интерес был сосредоточен на монархе, министре, ратуше, парламенте; созидательной деятельностью народа он не любил заниматься. Задача современной исторической науки – «узнать, как жили в данную эпоху члены той или другой нации, каковы были их

⁶ Кропоткин, П. А. Указ. соч. – С. 533.

⁷ Там же. – С. 454.

верования, их средства существования, какой общественный идеал рисовался в их воображении и какими средствами они обладали для его достижения. Именно действие всех этих сил, прежде оставшихся без внимания, даст ключ к истолкованию великих исторических явлений»⁸.

Мало сказать, что отличие Кропоткина от тех историков и философов истории, которые игнорировали народ, лишь в том, что он изучал его жизнь, писал о нем. Кропоткин и смотрел на совершавшиеся события со стороны народа, принимал во внимание, насколько они соответствуют его интересам, как отражается на его судьбах.

В своих трактовках той роли, которую играет в истории народ, он следовал за Л. Н. Толстым, признавал его влияние. Но если Толстой прослеживал повседневность и будни народной жизни, которые, правда, включают в себя и мир, и войну, то Кропоткина привлекают переломные моменты народного бытия. Народ, вовлеченный в социальные коллизии, революции – вот сюжеты кропоткинских философско-исторических штудий.

Сравнивая две великие революции, Английскую и Французскую, Кропоткин отмечал большую радикальность второй из них и объяснял это именно тем, что массы народа в XVIII столетии действовали активней и наступательней, чем в XVII.

Внимание Кропоткина привлекали действия народа также и в других кризисных ситуациях, при иных социальных метаморфозах. Он писал о том, что крепостное право в России было устранено вовсе не добровольно и не по великодушию, как это официально преподносилось. В его падении заслуга, прежде всего, крестьянских восстаний, усилившихся с 1850 г. Поэтому не Александру II и не Я. И. Ростовцеву надо воздвигать памятники, а жертвовавшим собой «крестьянам-освободителям».

Заглядывая в будущее и стремясь предугадать его, Кропоткин выражал убеждение, что народ еще скажет свое слово, совершит большие дела, когда он начнет *«строительную и воспитательную работу на более или менее широких коммунистических началах»*⁹.

Следующий сюжет в философско-исторических построениях Кропоткина тесно связан с тем, который только что рассматривался. Это – революция как социальный феномен. Уделяя революции пре-

⁸ Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал // Он же. Соч. – М., 1999. – С. 211.

⁹ Кропоткин, П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – С. 355.

имущественное внимание, он не считал, конечно, что она – единственная форма социального движения. Ее органически дополняет эволюция. Оба эти явления тесно взаимосвязаны. Революция указывает направление последующей эволюции, которая в свою очередь развивает дальше то, что задано революцией. Это эволюционное развитие происходит до тех пор, пока новая революция не положит начало следующей эпохе общественного движения.

Кропоткин подчеркивал, что революция призвана не только разрушать, но и пересоздавать хозяйственные, политические, равно как умственные и нравственные компоненты общества. На «созидательной работе» революций Кропоткин останавливается особо. Даже в тех из них, которые являются по характеру своему буржуазными, к такой работе причастен не только социальный слой, возносимый, в конечном счете, наверх; не чужд ей и простой народ. Вмешательство «стеснительной власти» в условиях развивающейся революции оказывается ослабленным, и это позволяет людям из народа заняться «органической» деятельностью; результаты этой деятельности впоследствии не пропадают, хотя бы отчасти. Такой была работа, проделанная народными представителями в парижских секциях, ярко отображенная в труде о Французской революции.

В отличие от М. А. Бакунина, своего предшественника по анархизму, находившего, что готовность народа к революции (из-за его бедственного положения) является фактором постоянным, что он легко отзывается на призыв к борьбе, Кропоткин проявлял в данном случае исторический реализм. По его мнению, вызвать и осуществить революцию искусственно, по желанию «горсти людей», пусть энергичных и талантливых, невозможно. Революция взрывает в недрах народа исподволь. Она – «явление стихийное – не зависящее от человеческой воли»¹⁰. Кропоткин сравнивал ее с тайфуном. В истории случалось, что революционеры бывали застигнуты ею «врасплох». К революции нужно заблаговременно готовиться, а организационными, пропагандистскими и иными мерами содействовать ей, приближать ее. Кропоткин предостерегал не только от необоснованного нетерпения, но и от пассивного ожидания.

¹⁰ Кропоткин, П. А. Что же делать? // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. – Вып. 1. – М., 1992. – С. 196.

Рассматривая социальную ситуацию, сложившуюся в XIX в., Кропоткин писал о том, что буржуазия занимает место дворянства и «царствует» повсюду. Не является исключением и Россия. Нет, однако, причин обольщаться прочностью капитализма.

Кропоткин принял Великую русскую революцию, как прежде принимал Великую французскую, хотя в обоих случаях не без оговорок, так как совершались они не по канонам, предписанным анархизмом. Он призывал народы Запада поддержать новый строй и сорвать планы интервенции против него. От ветерана анархизма можно было слышать слова: «На каждом шагу чувствую родственную связь с большевиками»¹¹.

Одна из сфер философского творчества Кропоткина – философия религии. В западноевропейской и русской философии с середины XIX в. она быстро прогрессировала и достигла существенных результатов. Успешно были продолжены традиции, заложенные Д. Юмом, Ш. де Броссом, П. Гольбахом, Л. Фейербахом.

Религиозный вопрос ставился перед Кропоткиным самой практикой революционного движения, участником которого он был. В народнической среде, в которой первоначально оказался Кропоткин, бытовало мнение, разделявшееся значительным числом народников, что идеи социальной справедливости, в том числе социалистические, можно сочетать с христианством, что, используя некоторые библейские тексты, легче сблизиться с народом, разделяющим, в массе своей, религиозные верования. Какая-то часть народников и сама принимала христианские представления; некоторые же пытались использовать их по тактическим соображениям.

Кропоткин, когда перед ним возникла подобная проблема, сразу же и решительно отмежевался от какого бы то ни было совмещения своей деятельности с религией. По его собственным словам, он «наотрез» отказался занять место Д. Уиклифа, английского еретика XIV в.

Кропоткин не отрицал, однако, позитивных последствий от обращений самой религиозной среды к поискам социальной справедливости.

¹¹ Лебедев, Б. Нет Кропоткина // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Картон 5. Ед. хр. 59. Л. 20.

Он указал на широкое народное движение в средневековой Европе, «религиозное по своей форме и внешним проявлениям, но чисто коммунистическое и проникнутое стремлением к равенству по своему содержанию»¹².

Под этим углом зрения Кропоткин анализировал крестьянские восстания XIV в. во Франции (Жакерию) и в Англии (под руководством Уота Тайлера), которые, по его словам, потрясли феодальное общество «до основания». И хотя оба потерпели поражение, они все же «разбили» феодальное могущество. В Англии был положен конец крепостничеству, а во Франции остановлено его развитие, так что дальнейшее его существование здесь можно считать «прозябанием». Движения с религиозной формой отмечаются Кропоткиным и в позднейшей европейской истории. Они были направлены не только против феодальных баронов и государственной власти, но и против церкви; осуществлялись они во имя заветов первоначального христианства. «Религиозные формулы», которые использовались подобными движениями, были обусловлены исторически, составляли «неизбежную дань тому времени»¹³.

Кропоткин обращал внимание на остатки этого прежде громадного идейного течения, дожившие до современности, – на менонитов, духоборов, штунду...

Дифференцированный подход к различным проявлениям религиозности и к группам, которые ими руководствуются, выгодно отличает Кропоткина от некоторых других современных ему религиоведов – идеологов революционной демократии, в частности, от П. Л. Лаврова, который не придавал значения тому, что религиозная форма может быть свойственна разнородным социальным силам, скрывать неодинаковые намерения и настроения, который игнорировал социальные различия, отличающие эти силы, и наделял их всех одними лишь негативными оценками.

Кропоткин сосредоточил внимание на тех проявлениях и сторонах современной ему религии, которые представлялись ему актуальными. Для него несомненно, что преклонение перед воображаемыми, «метафизическими» существами, созданными страхом и невежеством, ныне ведет к умственному застою, внушает пассив-

¹² Кропоткин, П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – С. 429.

¹³ Там же. – С. 430.

ность, затрудняет движение вперед. Негативную функцию религиозной ортодоксии Кропоткин усматривал в том, что она, используя ложные умозаключения, софизмы, оправдывает порабощение человека человеком и порицает одни лишь грубейшие проявления насилия.

Церковь рассматривается им в тесной связи с государством. Он пишет об их союзе, существующей между ними взаимной поддержке. Церковь, по его образному выражению, «сестра» государства. А взятые совокупно, они представляют собой два «ярма». «Церковь имеет своей целью удержать народ в умственном рабстве. Цель государства – держать его ... в экономическом рабстве»¹⁴. Церковь – такой же притеснитель, как государство, законы, полиция, военщина.

Кропоткин был уверен в силах науки, в развитие которой он и сам вносил немалую лепту: «Все здание нелепых предрассудков и суеверий, тщательно охраняемых и окруженных почитанием ... все это рухнет под ударами научной критики»¹⁵.

В наследии, которое оставил нам Кропоткин, есть статьи по этике, написанные в разное время. Этика рассматривается и в произведениях, ей специально не посвященных. А в последние годы жизни, в Дмитрове, Кропоткин работал над фундаментальным сочинением «Этика», которое не успел завершить. Подготовленная часть его была опубликована к годовщине со дня его смерти – в 1922 г.

В главах 5–13 своего труда Кропоткин рассмотрел весь ход развития этической науки – начиная с античности вплоть до современных ему авторов. Он дал здесь общий обзор учений прошлого и настоящего, проанализировал концепции не только известных и признанных мыслителей, но также и второстепенных, забытых. Думается, что история этики, представленная Кропоткиным, не утратила научной ценности. Она и в настоящее время остается одной из наиболее полных, информативных и объективных.

Изучая историю этики, Кропоткин отмечал и отбирал все то, что, в его понимании, не утратило ценности. Этические представления он формулировал, опираясь на предыдущий опыт челове-

¹⁴ Кропоткин, П. А. Хлеб и Воля. Современная наука и анархия. – С. 351.

¹⁵ Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал. – С. 686.

ства, сконцентрированный в этических концепциях, и на опыт собственный, личный, приобретенный на протяжении прожитых лет.

Какие же выводы из всего этого делает он?

Не существует нравственности, которую можно было бы признать вечной и неизменной. Она имеет свою историю: от «зачатков» ее, имеющих уже в животном мире, и нравственных понятий, свойственных «первобытным дикарям», до «высокоидеальных» учений Новейшего времени. В ходе этой истории нравственные принципы существенно трансформируются. То, что когда-то считалось нравственным, может оказаться «глубоко безнравственным». Меняются даже понятия о добре и зле.

Чем же вызваны эти перемены? Если не откровением, то, может быть, мыслительной деятельностью создателей новых этических доктрин? Нет. Этические концепции лишь подвергали развитию (а по временам и «извращению») имевшиеся уже нравственные начала. Выработка же этих начал «была делом общечеловеческого творчества»¹⁶.

На весь склад нравственных понятий и учений влияют «существенные перемены» в общественной жизни. И когда-нибудь явится такая работа, в которой на обширном материале «эволюция нравственности будет изучена в связи с изменениями строя общественной жизни»¹⁷. В этой области познания этика, то есть наука о нравственности, «сходится» с социологией, то есть наукой, изучающей жизнь и развитие общества.

Неоднопланова нравственность и вследствие воздействия на нее разнородных составляющих общества. В эпохи, резко меняющие характер воззрений, приходится расставаться «с моралью, созданной для охраны интересов исключительно одного только класса»¹⁸.

Как судить о поступках, совершаемых во имя революции в социально разделенном обществе, где меньшинство господствует над большинством? «Один критерий остается – полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, – везде этот критериум

¹⁶ Кропоткин, П. А. *Этика*. – М., 1991. – С. 117.

¹⁷ Там же. – С. 79.

¹⁸ Кропоткин, П. *Анархия, ее философия, ее идеал*. – С. 839.

для определения нравственного поступка. Да и какой другой может быть?»¹⁹

Важнейшая нравственная и этическая проблема – развитие «ярко выраженной» личности. Но то, что буржуазный индивидуализм, всячески восхваляемый в современном мире, является средством для достижения этой цели, есть только обман или самообман. Здесь даже самый способный человек при самих скромных своих запросах обречен на бесконечную борьбу за выживание. И даже если удастся ему отвоевать некоторый досуг, им, когда царствует буржуазия, все равно нельзя будет свободно распорядиться. Только новый, лучший строй общества, где будет обеспечено благосостояние всех, создаст необходимые предпосылки для полного раскрытия личности.

Кропоткина не удовлетворяет христианская заповедь – не делай другому то, чего не хочешь, чтоб делали тебе. Это – лишь заповедь устранения от зла. Она недостаточна. От человека можно и должно ждать большего. Кропоткин предлагает другую формулировку данного императива: «Поступай с другими так, как ты желал бы, чтобы поступали с тобой»²⁰.

Кропоткин – не такой ученый, для которого высказанные им нравственные нормы остаются всего лишь философскими абстракциями, наставлениями... Жизненными правилами, которые он выработывал, руководствовался и он сам. В историю этики Кропоткин вошел не только как теоретик, но и как человек большой нравственной силы. Общавшиеся с ним отмечали, что он влиял на окружающих не только как ученый, но и как высоконравственный человек. «Вот что его поднимало на большую высоту в сравнении с другими учеными»²¹.

Не представлял исключений и личный быт. Кропоткин не желал, чтобы он и его спутница жизни были связаны бесповоротно. Перед регистрацией брака в женевской мэрии было условлено, как вспоминала об этом С. Г. Кропоткина, что союз их несет не путы, а свободу, что он не вечен. Он был заключен на три года. На протя-

¹⁹ Кропоткина, П. и А. Переписка. – Т. II. – М., – Л., 1933. – С. 188–189.

²⁰ Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал. – С. 811.

²¹ Рыжов, В. А. Воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине дмитровских кооператоров // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Картон 7. Ед. хр. 21. Л. 3.

жении последующих прожитых совместно 42 лет он через каждые три года возобновлялся. Несмотря на то, что со временем этот обряд приобрел отчасти шутовское оформление, Кропоткин ему «придавал большое значение»²².

Кропоткинскую этику, как и другие составные его системы, нельзя считать материалистически полностью достроенной. Доказывая, что общее дело не противоречит личному, частному, а совпадает с ним, что соблюдение этой нормы в интересах человечества, Кропоткин досадовал, что в ходе истории она соблюдалась плохо. Объяснял он это тем, что многие просто «не понимали» преимуществ, благ, которые в ней заложены. «Но в этом, – по его мнению, – оказался лишь недостаток ума и понятливости»²³. Он с прискорбием констатировал, что и ныне, в условиях современной ему действительности, подобные принципы попираются на каждом шагу. «Но мы, – пишет Кропоткин, – не хотим входить в компромисс с этими условиями. Мы возмущаемся против них: они угнетают нас, они делают из нас революционеров»²⁴.

Кропоткинская этика не свободна от субъективизма, не монистична; она – производное от «многофакторности».

Кропоткин – один из первых историков русской философии. Заслуга его в этом отношении тем более значительна, что к этой философии в его время преобладал нигилистический подход.

П. Я. Чаадаев держался того мнения, что у России нет и не было собственных идей. И это – существенная черта «нашего нрава». Естественно, что ни о русской философии, ни тем более о ее истории не могло быть и речи.

П. Д. Юркевич, занявший в 1861 г. в Московском университете кафедру философии и читавший там курс лекций по истории философии, не находил в нем места для русской философии. В. О. Ключевский, учившийся в университете в это время, в одном из писем (от 14 февраля 1863 г.) так передает свое впечатление о слышанном

²² Кропоткина, С. Г. Воспоминания // Отдел рукописей Российской гос. б-ки. Ф. 410. Картон 7. Ед. хр. 19. Л. 7.

²³ Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал. – С. 838.

²⁴ Там же. – С. 839.

от Юркевича: «...философия у нас не действовала, потому что ее нет на Руси и доселе, то есть нашей, нами добытой философией»²⁵.

Неоднократно возвращался к этому вопросу в 1860–1880-х гг. К. Д. Кавелин. Он утверждал, что имеющиеся в России взгляды взяты целиком у других народов. Лишь после того как здесь сложится умственная жизнь (а пока что она отсутствует), может появиться и философия, которая ее всегда сопровождает: до сих же пор русские «не имели философии»²⁶.

Еще и в 1922 г. Г. Г. Шпет писал о том, что философия в России – «дело будущего»²⁷.

Все подобные экскурсы игнорировали специфику русской философии, особенности ее проявления и не видели ее там, где она была. К русской философии применялись те же мерки, что и к западноевропейской, произведения которой и по содержанию, и по форме брались за эталоны.

Стала давать о себе знать, однако, и иная тенденция.

Архимандрит Гавриил (В. Н. Воскресенский), издавший свою «Историю философии», одну из частей ее, VI, опубликованную в 1840 г., посвятил русской философии. Тем, кто требовал, чтобы философия непременно была системной, считал, что без систем нет философии, он отвечал, что система – лишь частная оболочка философии, что философия и философы могут существовать и тогда, когда отсутствуют философские системы. Он расширил рамки философии; находил ее в недрах теологии и средневековой литературы, усмотрел философов не только среди профессионалов, но и в рядах книжников, государственных деятелей, клириков, странствующих проповедников...

Не по выработанному шаблону, а творчески подошел к данной проблеме и Кропоткин. Историю русской философии исследовал он в связи с русской литературой, а также литературной критикой. В его сочинении «Идеалы и действительность в русской литературе» нашлось место и для философии. Сама литература эта имела свои особенности, и они привлекли к себе его внимание.

²⁵ Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М., 1968. – С. 83.

²⁶ Кавелин, К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – С. 287.

²⁷ Шпет, Г. Г. Соч. – М., 1989. – С. 33.

В русской литературе, подчеркивал он, трактуются такие вопросы, которые на Западе, по крайней мере, в Новое время, относились к другим сферам общественного сознания. В России социальная, политическая и мировоззренческая проблематика – вследствие реалий жизни – стала достоянием литературы. Литература, как нигде, влияла здесь на умы людей. В силу тех же обстоятельств имела столь крупных представителей и русская литературная критика.

Постановка проблем и задач общего, мировоззренческого характера, как показано на страницах кропоткинского произведения, сблизила литературу и литературную критику с философией, привела к тому, что представляли их нередко одни и те же лица. Создавались и реализовывались предпосылки для развития в общественном сознании философского аспекта.

Кропоткин установил, что целый ряд русских мыслителей XVIII в. причастен к философии. Как философ рассматривался им Н. И. Новиков. Отмечалась, в частности, его заслуга в создании русского философского языка. А. Н. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» сочетал, по словам Кропоткина, путевые впечатления с нравственно-философскими рассуждениями. И М. В. Ломоносов, один из энциклопедистов XVIII столетия, естествоиспытатель, историк и литератор, не был забыт Кропоткиным. Он писал, что «в нем проявлялся истинный философ на научной основе, в совершенном значении этого слова»²⁸.

Кропоткиным показана причастность к философии многих русских писателей и поэтов XIX в. – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Кропоткин считал, что Л. Н. Толстой, стремясь по-новому трактовать историю, развил философию, в которой была показана роль масс. В произведениях Толстого философски обосновывалось его понимание жизни и поведения человека.

Как заслуживающий внимания эпизод в истории философии рассматривалась Кропоткиным дискуссия, ведшаяся между славянофилами и западниками, когда «резко обозначились» и столкнулись между собой два течения философской и социальной мысли.

В поле зрения Кропоткина – П. Л. Лавров, «математик и философ», Н. К. Михайловский, подвергший «суровому разбору» философию

²⁸ Кропоткин, П. Анархия, ее философия, ее идеал. – С. 280.

Г. Спенсера и выработавший свою теорию прогресса, В. С. Соловьев, религиозный философ, знаток истории и философии...

Знаменательно, что Кропоткин находил место в русской философии также и тем, кто начисто отрицал сам факт ее существования. Он считал философом К. Д. Кавелина, даже еще и «симпатичным».

Кропоткин называет тех, кто прославил русскую литературную критику. Это В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, а также их последователи. Взгляды, которыми он руководствовался при создании своей работы «Идеалы и действительность в русской литературе», опираются, как подчеркивал он сам, на труды этих «великих критиков».

Но философия революционной демократии не получила адекватного отзвука на страницах кропоткинского произведения. Ни материалистическое истолкование русскими философами истории и современности, ни диалектический метод, использованный ими, не привлекли его внимания.

В остальном историко-философский обзор, сделанный Кропоткиным, достаточно впечатляет. По пути, намеченному архимандритом Гавриилом и Кропоткиным, и шла в своих дальнейших поисках история русской философии как наука. Учитывалась форма, свойственная этой философии, манера изложения, принятая ее творцами. Было признано, что отсутствует в данном случае не философия как таковая, а лишь тот тип ее, который, по мнению некоторых исследователей, она должна бы иметь, тот вариант ее, который сложился в других странах и при иных обстоятельствах. Понятие о русской философии как о «несуществующей» можно ныне считать теоретически изжитым.

Кропоткин – историк русской философии; он также и один из ее деятелей, соиздателей, вписавший в нее философским творчеством свое имя.

Кропоткин – философ не только русский; он может считаться также французским и английским. Многие произведения его написаны и впервые опубликованы в Европе и на языках Европы, но началась его деятельность в России, именно здесь сформировался он как мыслитель и ученый. Завершилось его философское, как и иное, творчество также в России. Работы, написанные за рубежами нашей страны, в определенном смысле «русифицировались». Они

вновь просматривались автором, переводы их подвергались авторизации.

Роднит Кропоткина с остальной русской философией рассредоточенность его философских идей в некоторых его произведениях – нефилософских по основной своей тематике. Есть у Кропоткина, конечно, и такие работы, которые имеют вполне философский характер. Но в них – не вся его философия. Открытость русской философии, сопричастность ее с другими отраслями знания – эта типичная для нее особенность унаследована Кропоткиным.